

АКТУАЛЬНОСТЬ БОЛОНСКОЙ ДЕКЛАРАЦИИ ДЛЯ РОССИЙСКОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ*

В.М. Филиппов

Министр образования РФ

Весьма знаменательно, что 300 лет назад Петр I «прорубил окно в Европу» в этом месте, и сейчас, через 300 лет, мы обсуждаем здесь еще одно «окно в Европу». Сегодня многие говорили о том, и это стало уже аксиомой, что идет очень непростой процесс глобализации в масштабе всего мира, и, в том числе, это очень непростой процесс и по отношению к образованию.

Мы на заседании Правительства РФ практически ежеквартально заслушиваем доклады о ходе подготовки вступления России в ВТО. Президенту Российской Федерации ежемесячно докладывается в письменном виде информация, о том, что еще сделано по этому вопросу. И при всем при этом позиция Президента России, позиция Российской Федерации заключается в том, что мы не планируем и не будем вступать в ВТО на любых условиях, ради вступления. Это процесс, который должен быть взаимовыгодным. Если мы говорим о каком-то соглашении, то любое соглашение (концептуально) предусматривает две части: права и обязанности. И каждое государство, которое заключает соглашение, взвешивает свои права, возможности, которое оно получает от этого соглашения, и обязательства, которые оно принимает на себя. Обязательства должны быть, не бывает соглашений без обязательств. Вот с этих позиций мы и должны подходить к **Болонскому процессу**.

Вместе с тем я бы подразделил проблему, которую мы обсуждаем сегодня, на вопросы, которые поставлены **Болонской декларацией**, а потому актуальны с внешних позиций, позиции вступления России в ЕС, но, на самом деле, я развернул бы в большой степени дискуссию и работу с внутренних позиций — а насколько внешние задачи и цели

* Выступление на международной конференции. Санкт-Петербург, декабрь 2002 г.

включены во внутренний процесс. Насколько эти критерии нужны, актуальны для российского высшего образования внутри нашей России.

Я бы здесь провел аналогию с многоуровневой системой — бакалавр — магистр. Проблема многоуровневой системы образования в том, чтобы мы корректно присваивали степень магистра нашим студентам. Эта проблема стояла 40–50 лет перед советской высшей школой. Когда, в частности, в Университете дружбы народов мы нашим иностранным студентам, отучившимся по моноуровневой пятилетней системе, выдавали диплом специалиста, а отправляя их на родину, писали им в дипломе «магистр». Это было неправомочно. Но, тем не менее, советская система образования не спешила менять этот порядок. И только когда пришло время рыночной экономики, наступил 1991 год и мы поняли, что выпускники не будут трудоустроены, а потому мы должны реализовывать более гибкую многоуровневую систему подготовки специалистов, вот тогда из наших внутренних соображений в первую очередь была реализована система бакалавр — магистр.

Я коротко напомню, как у нас строится обучение техническим специальностям и к чему ведет сейчас система бакалавр — магистр абсолютное большинство других специальностей как самая гибкая многоуровневая система, которая существует у нас по стандартам второго поколения, введенным 1 сентября 2000 года. Три года студенты обучаются в высшем учебном заведении по достаточно общей программе, изучают вначале дисциплины в составе естественно-научного цикла, в составе экономического цикла и общие профессиональные. После третьего года три варианта.

Три плюс один год — бакалавр, и ты можешь уходить. Если кто-то скажет, что такая система не реализуется на практике и что все 100% студентов готовы реализовывать 5-летнюю программу, я готов найти в любом вузе и назвать по фамилиям тех студентов-четверокурсников, которым нечего делать на 5 курсе, которым надо дать диплом бакалавра и отпустить с Богом, потому что они уже не тянут эту программу. Я думаю, мы все учились и знаем, что в каждой группе, на каждом курсе есть 5% таких людей.

Вторая возможность — пять лет: три года плюс два года. Диплом специалиста, тот, пятилетний, который был в Советском Союзе. Это есть сейчас практически во всех институтах и университетах. Эти специалисты — большинство тех практиков, которые идут в цех.

И третья категория «яйцеголовых», как мы говорим, которые есть на каждом курсе. О таком студенте мы знаем, что он сразу должен идти в аспирантуру, в науку, в НИИ и т.д. И для него реализуется возможность в сотнях вузов: три года плюс один (бакалавр) плюс два (магистратура), итого 6 лет.

Итак, система четырех лет (бакалавр), три плюс два (специалист за пять лет), три плюс один плюс два (специалист за шесть лет). Эта система — веление времени, потому что потребности рынка труда и потребности каждой личности растут. И пока в России не прижилась рыночная экономика, эта система не была нормализована. И вот с этих позиций я подошел сегодня и к критериям Болонской декларации.

Какие это критерии?

3–4 года бакалавриата,

1–2 года магистратуры.

Создание прозрачной системы расчетных единиц — кредитов.

Прозрачная система контроля качества от учебного заведения до федеральной власти.

Вот четыре основных критерия.

1. 3–4 года бакалавриата. Эта система практически уже реализуется. Да, у нас 4-летний бакалавриат, потому что — я думаю, коллеги из Европы поймут это — мы реализуем 4-летний бакалавриат на базе 11-летнего школьного образования. Но пока еще 50% школьников заканчивают 10-летку на базе 11-летки, поэтому бакалавриат 4-летний. Думаю, что эта проблема никому не мешает.

2. 1–2 года магистратуры. Да, у нас, как правило, пока 2-летняя магистратура, но я все больше слышу от ректоров, особенно гуманитарных специальностей, что мы могли бы реализовывать одногодичные программы по гуманитарным специальностям. Я рад здесь приветствовать коллег из Института «Открытое общество», где реализуется годичная программа магистратуры, и в то же время я знаю вузы, выпускающие специалистов высочайшего уровня по 2-годичной программе — МГУ, СПбГУ. *Но программа одногодичной магистратуры реализуется и в вузе, специалисты которого сразу имеют автоматическое признание целого ряда лучших университетов Запада и там востребованы, и заранее, все еще учась, схвачены московскими структурами для работы у себя. Это известнейшая школа Шанина при Академии Народного хозяйства. Высочайший уровень — он говорит сам за себя.* Сейчас в

региональных университетах ради эксперимента, я подчеркиваю, чтоб было понятно, что мы не собираемся в массовом порядке это делать, реализовываются годовые программы магистратуры по гуманитарным специальностям. Может быть, даже по экономическим специальностям это вполне возможно. *Другое дело, что режим работы там достаточно жесткий: работа в библиотеке день и ночь, в два раза меньше аудиторных занятий и в два раза больше занятий самого человека.*

3. Кредитная система, система зачетных единиц. Вы знаете, я думаю, что мы все равно в России будем заинтересованы в ее введении. А на самом деле мы уже приступили в определенной степени к разработке технологий введения этой системы в Российской Федерации, подчеркиваю, опять-таки вне зависимости от Болонского процесса. С чем это связано? Сейчас мы студенту в дипломе пишем: название дисциплины, число часов, которое он прослушал, и отметку. И число часов в МГУ и СПбГУ по математике или по физике различается. У нас практически нет университетов, в которых было бы выделено равное количество часов, например, на матанализ, потому что стандарт дает нам определенную свободу. Но проблема заключается в другом, в том, что сейчас наступает диктат широкого внедрения дистанционных технологий и признания курсов, прослушиваемых в различных университетах. Ситуация, когда мы действительно придем к очень серьезным изменениям, а вы знаете, что мы уже внесли закон о дистанционном образовании в Думу и Совет Федерации тоже поддержал этот закон о дистанционном образовании. Тогда без всякого Болонского процесса студент из благовещенского института сможет прослушать курс по философии или в МГУ, или СПбГУ, и мы должны будем их ему засчитать. Такую возможность мы должны создавать, и не на бесплатной основе. А это, между прочим, вопрос тех конкурентных возможностей, которые мы предлагаем.

Первый этап создания такого дистанционного университета, вы слышали, прошел в этом году. По аналогии с open university в различных странах мира в России создан Российский государственный открытый университет. Это консорциум примерно 80 университетов Российской Федерации, которые предлагают свои программы, специальности. Представьте себе, если 80 университетов предлагают по три специальности, это уже около трех сотен специальностей. А в России всего существует примерно 400 специальностей. Очень многие технические университеты, входящие в этот консорциум, предлагают дистанционное

получение образования. В рамках этого консорциума можно взять в одном университете один курс, в другом — другой, и все это в режиме дискретных (кредитных) единиц. Система (дискретных) кредитных единиц на практике уже начала реализовываться.

Но хочу подчеркнуть, что мы не спешим огульно внедрять в вузы приказами министерства кредитную систему. Мы пошли по пути эксперимента. Всего-навсего три или четыре вуза, на базе которых мы проводим в течение следующего учебного года эксперимент по переходу на кредитную систему единиц. В конце концов, нам никто не запрещает в том же приложении к диплому писать название дисциплины, часы, а в скобках кредиты. Пожалуйста, одно другого не исключает, давайте это делать в параллельно. Кредитная система все равно будет развиваться в Российской Федерации в рамках реализации дистанционного образования, в рамках реализации нами образовательных услуг вне зависимости от Болонского процесса.

4. Система контроля качества. Мы в министерстве первыми забили тревогу по качеству высшего образования в России. Мы создали «полицию качества» — так ее называли журналисты. На самом деле это — Совет при министерстве образования по качеству экономического и юридического образования. Это только первый этап решения проблемы.

После доступности образования обеспечение качества образования — вторая по значимости задача, поставленная Правительством Российской Федерации. И в рамках решения этой задачи у нас будет создана — это записано в плане действия правительства — «Государственная система аттестации и контроля качества». Уже в первом квартале 2003 года внутри Министерства образования может появиться крупнейший департамент, департамент аттестации и контроля качества путем реорганизации госинспекций в Министерстве образования. Он объединит работу всех субъектов Федерации. На государственном уровне эта система будет создана в 2004–2005 годах по всем субъектам Федерации. Мы ставим задачу: вне зависимости от Болонского процесса создать собственную систему контроля качества. Это необходимое условие и Болонского процесса, и нашего, российского.

Мы с вами в феврале этого года принимали решение на заседании Министерства образования о том, что в каждом высшем учебном заведении в течение 2002–2003 годов должна быть создана собственная система контроля качества образования, которая пронизывает все учебное

заведение от курса до факультета с привлечением студентов, преподавателей, работодателей. Более того, у нас записано жесткое положение, что необходимым условием обращения любого вуза на очередную аттестацию и аккредитацию с первого января 2004 года является наличие в вузе структуры контроля качества образования.

Уважаемые коллеги, я вам назвал такие четыре основных параметра Болонского процесса. Хочу подчеркнуть, что мы с вами внутри страны заинтересованы действовать по всем этим направлениям, тем самым я хочу подчеркнуть, что условия Болонского процесса — это естественно рожденные условия, а не придуманные кем-то и они должны быть выгодны в любой другой стране.

Что будет, если, например, Россия не будет в него вступать? Здесь есть несколько моментов, важных для России, для вузов, для человека. Кто-то из предыдущих докладчиков говорил, что «надо смотреть, куда кадры текут». Мы — законодатели и должны помнить самую первую статью закона об образовании, где говорится, что образование — это целенаправленный процесс обучения в интересах личности, общества и государства. В первую очередь личности. И, конечно, можно говорить: давайте сделаем такие механизмы, которые «не пушали» бы наших молодых специалистов на Запад.

Вот здесь сидит Востриков — ректор Технического университета. Ровно два года назад президенту Путину в его университете задали такой же вопрос: «А что сделать, чтобы наши «мозги» не утекали на Запад?». Он ответил: «Есть два пути. Первый путь — восстановить железный занавес. И второй путь — мы должны изменить наше мышление и создать условия для развития личности до такой степени, что из двух рядом работающих профессоров один должен получать 2000 долларов, а другой — 2000 рублей. И это должно пониматься, потому что профессор, который получает 2000 долларов, принесет больше своей стране, своей кафедре и своему университету. И в результате поднимет зарплаты и другому профессору». Вот это сказал Президент. Поэтому наша задача — создавать стимулы и механизмы, а не загадки для того, чтоб кого-то куда-то в очередной раз «не пушать».

Я прошу прощения у коллег из Совета Европы, из ЮНЕСКО, но я должен откровенно сказать: я считаю, что от вступления России в Болонский процесс вузы в большой степени потеряют.

Но и стоять в стороне от этого процесса мы тоже не можем. Когда сейчас уже больше тридцати государств подписало Болонскую декларацию, а на определенном этапе они подпишут программу о зачетных единицах и образовании друг с другом, Россия не может оказаться вне этого круга. Развитие рынка образовательных услуг необратимо. С помощью дистанционного образования расширится число образовательных услуг, предлагаемых человеку. И, если эти преподносимые Россией образовательные услуги не будут признаваться во всей Европе, окажись мы в стороне от декларации, иностранные студенты мы себе не получим. Российские студенты также будут стараться получить то же самое образование дистанционным образом, никуда не выезжая из Благовещенска, в странах, дипломы которых признаются в Европе.

Если мы говорим о рынке образовательных услуг, то это действительно рынок конкурентный. И если честно говорить, то России надо еще на него пробиваться. Я опять-таки прошу прощения, может, в присутствии гостей я не должен об этом говорить. Но, когда я просил наших коллег из Германии дать мне ответ, когда и как Россия может быть принята в Болонский процесс, я получил следующий ответ: процесс сейчас приостановлен — это первое. В октябре 2003 года в Германии пройдет пресс-конференция, на которой будут выработаны новые, более жесткие критерии приема — это второе. А третье, это означает, что там вообще нас не очень ждут. Поэтому мы должны с вами предпринимать соответствующие шаги.

Вместе с тем хочу подчеркнуть еще один аспект. Это тема исходит из линии Президента Российской Федерации: когда мы вступаем в организацию, мы стараемся, чтобы это вступление и правила вступления выработывались с нашим участием. Россия пошла на самый непредсказуемый шаг за последние сто лет: когда стало расширяться НАТО и мы поняли, что вступление в НАТО для наших ближайших соседей необратимо, мы создали механизм — совет НАТО. В совет НАТО вошла Россия, чтобы критерии приема новых членов в НАТО, этапы и сроки, выработывались с ее участием. Если сейчас Россия скажет, что мы подождем до 2005–2007 года, а вы там выработывайте критерии без нас, а потом мы будем их обсуждать. Вот это будет очень и очень неправильно. Я считаю, что здесь было правильно сказано проректором СПбГУ, что мы тоже должны в какой-то степени принимать участие в этой практике, но для этого надо быть членом сообщества.

Между тем я хочу подчеркнуть, что это — процесс и к нему надо относиться как к процессу. Это процесс, когда мы вместе с нашими коллегами в странах Европы боремся за особые условия во Всемирной Торговой Организации по отношению к образованию. Когда Китай вступил во Всемирную Торговую Организацию, он определил для себя условия — это подписано — официально признано реформу образования Китая растянуть на 15 лет.

Когда Сьюр Берган начинал вчера здесь свое выступление, он показал вначале картинку моста. Вы знаете, я хотел бы провести аналогию на эту тему. Мы находимся в Санкт-Петербурге, и здесь как раз очень хорошо видно, что мостов может быть много. И поэтому я бы хотел просить, чтобы у нас были варианты реализаций Болонской декларации, чтобы это была не только одна жесткая дорога с одним мостом, а чтобы было много мостов. Ну, и, в конце концов, пример Санкт-Петербурга наводит еще и на мысль о том, что эти мосты могут и разводиться. Поэтому, если Болонский процесс будет мешать качеству российского высшего образования, то мы не будем ему слепо следовать.